

Лунный свет был ярким, как серебряная нить. Шэнь Цинчжо осторожно обнял дрожащего юношу, а затем перевел взгляд на Благородную Супругу, свернувшуюся калачиком на кровати.

С тех пор как Седьмой Принц переехал во дворец Чанлэ, он, хотя и не возвращался в Холодный дворец, постоянно посылал людей присматривать за ним. Те дворцовые слуги, которые смотрели на других свысока, больше не осмеливались откровенно экономить на еде, одежде и других расходах и тщательно обслуживали сумасшедшую Благородную Супругу.

В настоящее время обстановка в Холодном дворце явно улучшилась. Шэнь Цинчжо не мог сдержать грусти. Несмотря на то, что его матушка снова и снова жестоко хотела лишить его жизни, в этот особенный день его маленький ученик все же не смог удержаться и пришел навестить свою матушку.

Возможно, он также хотел получить благословение от своей матушки, или, может быть, он просто скучал по ней, надеясь, что его матушка, которая иногда бывала в себе, обнимет его в день рождения.

— Учитель... — Сяо Шэнь уткнулся лицом в знакомый изгиб шеи и крепче обнял своего учителя. — Я чувствую себя так неуютно...

— Веди себя хорошо, теперь все хорошо, теперь все хорошо... — Шэнь Цинчжо продолжал гладить по затылку своего маленького ученика и шептать ему на ухо, — Ты вырос, и она больше не сможет легко причинить тебе боль.

Он не знал, что произошло, но подумал, что это определенно не могло быть счастливым событием, заставившим его маленького ученика так расстроиться.

Благородная Супруга Чжао уставилась на двух людей, прижавшихся друг к другу, с отсутствующим выражением лица. Неожиданно она снова обезумела.

— Убей меня! Убей меня! Аааааа!

Жалкие крики эхом отдавались в пустом Холодном дворце. По голове Шэнь Цинчжо пробежали мурашки. Он подсознательно защищал маленького ученика в своих объятиях и отвернулся в сторону, опасаясь, что сумасшедшая Благородная Супруга бросится на них.

— Убей меня, ты, подойди и убей меня! Какой смысл мне жить, ааааа...?

К счастью, Благородная Супруга Чжао не напала на них. Она просто схватилась за голову и ударилась ею о стену.

Сяо Юйшэн! Даже если я стану призраком, я не отпущу тебя, ааааа...

Сяо Юйшэн было великим именем Императора Гуанси. Каждое слово, которое она выкрикивала, звучало так, что кровь стыла в жилах, как будто она хотела откусить от него кусок плоти.

Шэнь Цинчжо не был уверен, действительно ли Благородная Супруга сошла с ума или просто притворилась сумасшедшей, но звук удара тела о стену “бах, бах” был действительно пугающим.

После недолгого колебания он позволил своему пьяному ученику прислониться к дверному косяку и сказал:

— Я собираюсь отправить твою Матушку-Супругу в обморок.

Сяо Шэнь схватил его за рукав и посмотрел на него покрасневшими глазами, как будто хотел сказать тысячу слов, но в конце концов послушно отпустил.

Шэнь Цинчжо быстро подошел к кровати и попытался силой оттащить Благородную Супругу, которая билась о стену.

Однако сумасшедшая Благородная Супруга Чжао была чрезвычайно сильна, и он не мог контролировать ее, как бы ни старался. Он был так зол, что закричал:

— Чжао Инцзюнь!

Благородная Супруга Чжао, казалось, получила успокаивающее воздействие на свою акупунктурную точку, и перестала вырываться.

— Разве Вы не хотите убить его из мести? — холодно спросил Шэнь Цинчжо. — Когда человек умирает, он превращается в кусок земли. Если призраки могут убивать людей, почему 213 невинных душ семьи Чжао не смогли забрать своих врагов?

Благородная Супруга Чжао с глухим стуком упала на пол, тяжело ударившись о кровать. Она хрипло закричала:

— Отец и матушка... Это была недостойная дочь, которая причинила вам вред... Дочь ведет позорную жизнь...

— Благородная Супруга может быть спокойна, только когда видит, как умирает Ваш враг, верно? — сказал Шэнь Цинчжо, полностью отпуская ее руку. — Вы умрете в Холодном дворце, и никто даже не заберет Ваше тело. Вы действительно хотите этого?

Эти слова задела Благородную Супругу Чжао за живое. Она легла на кровать и продолжала

плакать, дрожа всем телом, как опавший лист на осеннем ветру.

Убедившись, что она больше не сойдет с ума, Шэнь Цинчжо развернулся и пошел обратно к воротам дворца.

Его маленький ученик стоял, прислонившись к дверному косяку спиной к ним, смотрел на луну и был глух ко всему, что происходило в зале.

— Давай вернемся. — Шэнь Цинчжо поднял его рукой. — Учитель отведет тебя обратно.

— Хорошо, Учитель. — Сяо Шэнь отвел взгляд, приподнял уголки губ и улыбнулся своему учителю. — Давайте вернемся вместе.

Но, по мнению Шэнь Цинчжо, эта улыбка выглядела уродливее, чем плач.

Учитель и ученик вернулись во дворец Чанлэ при свете луны.

По пути Сяо Шэнь не поднимал шума и не ссорился, просто алкоголь снова взял верх, и половина его тела была сильно прижата к его учителю.

Шэнь Цинчжо изо всех сил старался поддержать своего маленького ученика и в конце концов отвел его в спальню. Однако, прежде чем он успел коснуться кровати, его прижало к одеялу тело, огромное, как гора.

— Эй... — Он поднял руку, чтобы прижать ее к груди, но вздрогнул от высокой температуры. Он мог только мягко попросить, — Сяо Ци, позволь Учителю встать для начала, прежде чем идти спать, хорошо?

Но юноша не пошевелился. Через некоторое время он услышал звук ровного дыхания. Оказалось, что он заснул.

— ...

На мгновение он не знал, смеяться ему или плакать, но когда он подумал о том, что пережил сегодня вечером его маленький ученик, его сердце смягчилось. Он просто лег и расслабился, чтобы сначала набраться сил.

Через некоторое время он, наконец, пришел в себя и, обняв юношу за слегка худые плечи, развернул его и поменял местами.

Как раз в тот момент, когда он собирался тихо отступить, юноша под ним внезапно открыл

глаза.

Их взгляды встретились, выражение их лиц было неопишимо странным, и Шэнь Цинчжо почему-то немного занервничал.

— Это не... Я просто хочу спуститься вниз...

— Учитель. — Сяо Шэнь, не мигая, посмотрел ему в глаза и спокойно и нетерпеливо спросил,
— Учитель, Вы останетесь со мной навсегда?

Эти обсидиановые глаза были похожи на бездонный водоворот, обладающий магической силой засасывать души людей.

Шэнь Цинчжо на мгновение неосознанно отвел глаза и прошептал в ответ:

— Дорогой ученик, никто в этом мире не может обещать вечности. Но, по крайней мере, в этот момент Учитель с тобой.

Он думал, что его маленький ученик, как обычно, докопается до сути, но юноша просто молча посмотрел на него, а затем снова закрыл глаза.

Шэнь Цинчжо вздохнул с облегчением и осторожно забрался в постель.

Он был так пьян, что не мог принять ванну. Он приказал кому-то принести теплой воды, отжал мокрое полотенце и вытер лицо и руки своего маленького ученика.

Сяо Шэнь послушно лег на нефритовую циновку, свернувшись калачиком. Когда его учитель собрался уходить, он внезапно протянул руку и схватил его за белоснежное, тонкое запястье.

— Только сегодня ночью... — Он закрыл глаза и пробормотал во сне, — Только сегодня ночью останьтесь со мной...

Шэнь Цинчжо тихо вздохнул, повернулся и сказал:

— Хорошо, Учитель составит тебе компанию.

Он лег на другую сторону кровати, имитируя позу юноши, заложив руки за шею и расположившись напротив него.

— Спи спокойно. — Он поднял руку, нежно погладил своего маленького ученика по плечу и прошептал, — Учитель здесь...

В тот момент, когда он позволил себе погрузиться в сладкий сон, Сяо Шэнь подумал про себя: “Учитель, Вы снова спасли меня”.

Три дня спустя пришло время снова присутствовать на утреннем заседании суда.

В зале Высшей гармонии Император Гуанси восседал на троне дракона, безучастно слушая доклады гражданских и военных чиновников.

После того, как внутренний кабинет и шесть министерств вступили в дискуссию, Император Гуанси произнес несколько слов в ответ, и в зале на короткое время воцарилась тишина.

Евнух Су ждал в стороне и уже собирался зачитать: “Если есть о чем сообщить, сообщайте; если нет, то покиньте двор”, когда Чэнь Юань, левый цензор Имперской цензуры, вышел, поклонился и сказал:

— Ваше Величество, этому министру нужно отчитаться.

Император Гуанси взглянул на него и спросил:

— Что ты хочешь сообщить, Чэнь Айцин?

— Этот министр хочет объявить импичмент Его Королевскому Высочеству Наследному Принцу Восточного дворца за его распущенность и безнравственность! — громкий и властный голос Господина Имперского цензора эхом разнесся по залу.

Сердце Сяо Ичэня екнуло, и он поспешно вышел.

— Отец-Император мудр, Эрчэн невиновен!

Цао Жэнь последовал за ним и возразил:

— Его Высочество Наследный Принц занят государственными делами, как у него может быть время наслаждаться прекрасным весенним пейзажем и посещать проституток? Господин Имперский цензор, пожалуйста, прекратите клеветать на людей!

— Ваше Высочество Наследный Принц знает, оклеветал я кого-нибудь или нет. — Чэнь Юань нисколько не испугался. — Могу я спросить, была ли служанка по имени Лу Мэй из Восточного дворца родом из Цзуйсян Фань?

Как только эти слова были произнесены, все пришли в смятение, и господа не могли удержаться, чтобы не перешептываться друг с другом.

Император Гуанси нахмурился и взглянул на Командира Шэня в левом нижнем углу.

Но Господин Шэнь спокойно стоял перед залом, на его лице не отразилось никакой реакции, как будто все, что происходило в зале, не имело к нему никакого отношения.

— В Восточном дворце много служанок, и Гу не уверен, откуда они взялись. — Сяо Ичэнь собрался с мыслями и ответил низким голосом, — Гу был занят тем, что день и ночь разделял заботы с Отцом-Императором. Как Гу может управлять маленькими дворцовыми служанками?

— Хорошо. — Чэнь Юань достал из рукава мемориал и портрет, представив их вместе. — Ваше Величество, это свидетельство девушек из Цзуйсян Фань. Они рассказали, что был Молодой Господин по фамилии Сяо, который был завсегдаем Цзуйсян Фань и нарисовали его портрет.

Евнух Су поспешно схватил его и обеими руками преподнес Императору Гуанси.

Через мгновение лицо Императора Гуанси потемнело, он скомкал портрет и с силой швырнул его в Наследного Принца.

— Ты так занят, пытаешься разделить беспокойства Чжэня! В итоге ты разделил его беспокойства в квартале красных фонарей?

Наследный Принц не осмелился поднять бумажный шарик. Он знал, что не сможет оправдываться, поэтому опустил на колени и взмолился о пощаде:

— Отец-Император, пожалуйста, успокойтесь. Эрчэн просто на мгновение растерялся!

В это время Министр ритуалов, Фань Чжэ, выступил с резкой критикой в адрес Имперского цензора Чэня:

— Могу я спросить, откуда Господин Имперский цензор получил эту информацию? Может ли быть так, что сам Господин Имперский цензор любит посещать бордель? Вор крикнул, чтобы поймали вора?

Чэнь Юань спокойно ответил:

— Ваше Величество, глава Министерства обрядов, Господин Фань, также является частым гостем Цзуйсян Фань.

Когда Фань Чжэ услышал это, он так разозлился, что распустил бороду, сверкнул глазами и громко закричал:

— Господин Чэнь, пожалуйста, не клеветайте на людей! Ваше Величество, это настоящая подстава!

Чэнь Юань сказал зловещим тоном:

— Если подумать, Господин Фань всего несколько дней назад женился на своей седьмой наложнице, и у него все еще есть время посещать бордель. Его умение распоряжаться своим временем и энергией действительно достойно восхищения.

Шэнь Цинчжо незаметно приподнял уголки губ.

— Вы- — Фань Чжэ был так зол, что чуть не упал на месте. — Ваше Величество, у этого Имперского цензора Чэня ежедневно возникают небольшие трения с министром. На этот раз он явно хочет отомстить за личную обиду! Пожалуйста, выскажите свое мудрое суждение, Ваше Величество!

Император Гуанси низким голосом выругался:

— Замолкни!

Левый Имперский цензор отвечает за надзор и привлечение к ответственности сотен чиновников. Он был глазами и ушами Императора и отвечал за соблюдение закона. Как говорится, дыма без огня не бывает. Кроме того, Бэйчжэнь Фуши и раньше сообщал об инциденте с Цзуйсян Фань, так что Император Гуанси, естественно, безоговорочно поверил в это в этот момент.

— Конечно же, Его Высочество Наследный Принц и Господин Фань не единственные в списке приглашенных дам Цзуйсян Фань. — Чэнь Юань достал из рукава еще один мемориал. — Ваше Величество, пожалуйста, взгляните.

Как только он закончил говорить, выражения лиц нескольких других важных чиновников в зале изменились, и Третий Принц, наконец, не смог сдерживать злорадства.

Император Гуанси только взглянул на это и сразу же пришел в ярость, закричав:

— Нелепо! Вы, ребята- кхе, кхе...

Разъяренный, он схватился за подлокотник драконьего кресла и громко закашлялся, напугав Евнуха Су, который поспешил вперед и сказал:

— Ваше Величество, пожалуйста, успокойтесь, здоровье важнее!

Династия Дайон открыто не запрещала посещение проституток, и публичные дома были широко распространены, но это не означало, что Император стал бы мириться с поведением важных придворных, посещающих проституток коллективно, особенно когда речь шла о Наследном Принце государства.

На этот раз Господин Чэнь использовал политическую интригу, чтобы затронуть вопросы личного образа жизни. Партия Наследного Принца была совершенно бессильна дать отпор, а оставшиеся несколько человек, имена которых не были названы, чувствовали себя неуверенно и не осмеливались сказать ни слова.

Цао Жэнь, наконец, понял, что Имперский цензор Чэнь подготовился и что чем больше он говорит, тем больше ошибок допускает, поэтому он опустился на колени и извинился:

— Его Высочество Наследный Принц на некоторое время сбился с пути, и это из-за плохого обучения старого министра. Пожалуйста, Ваше Величество, накажите Наследного Принца, чтобы он поразмыслил над своими ошибками в уединении, и старый министр также требует штраф в размере полугодового жалованья!

Его ходом было отступить заранее, чтобы защитить Его Королевское Высочество Наследного Принца, но неужели Шэнь Цинчжо так легко отпустит их?

— Ваше Величество, у этого министра есть мемориал, — Господин Шэнь, который насмотрелся на представление, грациозно вышел вперед и поклонился.

Сяо Ичэнь опустился на колени. Его сердце пропустило удар, когда он услышал это. Затем он успокоил себя, сказав, что Господин Шэнь, должно быть, готовится ходатайствовать за него. В конце концов, они выступали единым фронтом и теперь были кузнечиками, привязанными к одной веревке*.

*“Быть кузнечиками, привязанными к одной веревке” - быть причастными к одному и тому же преступлению.

Император Гуанси медленно перестал кашлять, его лицо выглядело крайне уродливым, и он выдавил из себя одну фразу:

— Представь его.

Шэнь Цинчжо взял мемориал в руки и спросил:

— Ваше Величество все еще помнит дело бывшего министра обрядов Лянь Чжуна о мошенничестве на Имперском экзамене?

Император Гуанси нахмурился.

— Разве это дело уже не закрыто?

Шэнь Цинчжо говорил ровным голосом:

— Согласно последнему признанию Лянь Чжуна, министр хочет обвинить Его Высочество Наследного Принца в растрате и мошенничестве на Имперских экзаменах, а также в подрыве государственной политики!

Автору есть что сказать:

На этот раз этот Наследный Принц действительно умрет, хахаха!

<http://bllate.org/book/14566/1290363>